

20 ДЕК 1963

г. Тбилиси

ПИАНИСТ ВЕКА

Язык сравнения не самый точный, но я именно с него и начну. Согласитесь вы, хоть когда-нибудь слышавшие Рихтера: руки его всегда хочется видеть, подобно тому, как хочется взглянуть на жезл мага. Поют ли они, иль вихрем проносятся по бело-черным грядкам, погружаясь ли в звуковые озера иль обрушиваются на клавиатуру, подобно стальным каскадам, выводят ли узор нежности рисунка на стекле иль извлекают из инструмента яростный стон, но в ударах пальцев пианиста вы слышите биение сердца самой музыки. Музыка — близкой и далекой, возвышающей вас до себя, музыки, опаленной дыханием жизни и сливающейся с небесной лазурью.

Да, в ударах этих пальцев слышится пульс музыки, но ведь это и биение сердца художника, и в этом сила искусства Святослава Рихтера. Удивительное искусство музыка: стоит с ней соприкоснуться, и она начинает наполняться вами. Не только титан, но и ремесленник, взявшись ее озвучить, делает ее по своему подобно. И вечный спор — должен ли исполнитель точно придерживаться автора или ему все-таки разрешается что-то добавлять и от себя, лично я считаю схоластическим: субъективность музыки в том и заключается, что она неотделима не только от мироощущения композитора, но и от искусства исполнителя и восприятия слушателя.

Рихтер заполняет ее своей индивидуальностью, и, когда он соприкасается с искусством, оно становится великим, лишь тогда

мы в состоянии постигнуть грандиозные масштабы его дарования.

По существу диапазон его творчества безграничен: ему, видимо, одинаково близки — и дерзновенное мужество раннего Бетховена, и романтическая смятенность чувств Скрябина, нежные звуковые волны Дебюсси и демонизм Листа, сверкающая концертность Рахманинова и мимолетность миниатюр Шумана. И все же, взглянув на афиши, извещающие о сонатных вечерах пианиста, я почувствовал большую радость: ведь соната больше, чем какая-либо другая форма дает простор его вдохновению. Само мышление его, стиль его — сонатны. Не в его ли игре столь ярки антитезы и столь динамично развитие? Не он ли пронизывает трепетные линии музыки мыслью, и не мысль ли, изваянная, иль вычерченная стальной иглой гравера, оживает от прикосновения его рук?

Я бы назвал его искусство монументальным, если бы в последнем, наряду с величественным (оно то — и присуще искусству Рихтера) не подразумевалось бы и что-то громоздкое, застывшее. И еще не хотелось бы его игру определять как блестящую и виртуозную, ибо, когда речь заходит о музыке, творимой Рихтером, из этих слов ничего не отражается. Когда он нас прямо таки подавлял своим вулканическим темпераментом, ослеплял фейерверком красок, необузданной страстностью, музыка его уподоблялась очищающей грозе, ливню. Нет, и тогда он нас поражал и этой поющей, говорящей тишиной, минутами благоговей-

ного созерцания. Но все это воспринималось, как минутное затишье перед неистовым порывом его неукротимой воли.

Не утратив драгоценных черт исполнительской индивидуальности, Рихтер взмошел на ту самую вершину искусства, о которой принято говорить, как о простоте и мудрости. Сюда, на эту высоту, пианист приходит без преходящих эмоций, а взгляд его, кидаемый в бездны мысли, проникает до самых ее глубин. Порою его игра становится несколько отрешенной, а гамма тональностей спокойней. Искусство его приобретает лирическую проникновенность.

Нет, оно ни в какой мере не утратило полнокровие, энергию. Но, мне кажется, что за ролями Рихтер уже не перевоплощается в мага и артиста, оратора и живописца, поэта и мыслителя, а остается самим собою, и игра его становится исповедью художника — большого, горячего, трогкого и проникательного. Лишь поэтому приблизился пианист к искусству позднего Бетховена, к музыке, возникающей на стыке чувства и мысли, уникальной по философской глубине и возвышенности субъективности.

* * *

Первый из вечеров был полностью посвящен трем последним сонатам Бетховена. Каждая из них неповторима и своеобразна, как итог творческого пути и взгляд, устремленный в будущее. И, вместе с тем, соприкасаясь с чудесным миром, заключенным в этих сочинениях, не перестаешь

удивляться его внутреннему единству и цельности.

Годы создания сонат (1821—1822) — трагические в жизни Бетховена. На склоне лет, одинокий и больной, обреченный глухотой на вечное безмолвие, воочию увидев крушение идеалов, некогда озаривших его искусство революционным пафосом, Бетховен, тем не менее, не покинул поля брани. Именно в эти годы вырывается у него план грандиозной симфонии с хорами, — первого музыкального произведения, обращенного к миллионам с пламенным призывом объединиться во имя счастья и радости. В эти тяжелые годы композитор в силе разума и мечте, в тепле человеческого сердца ищет источники нового духовного возрождения, их единство и обуславливает поразительное своеобразие и поэтичность этих сонат — чудесных лирических исповедей титана. Именно такими предстают они и в исполнении Рихтера.

Одно из своеобразий поздних сонат Бетховена состоит в том, что само размышление вместило огромный мир драматических контрастов и борьбы, и в рихтеровской подаче этот мир не теряет ясности и равновесия, присущие мысли. Велоселье народной мелодии уравнивошивалась чуть ироничной улыбкою (скерцо из сонаты № 31), в первой части сонаты № 32 слышалось эхо трагической схватки с судьбой. Трагедии пишутся для познания горечи жизни, а не для утешения, но в адажио из сонаты № 31, сыгранном отрешенно и точно в забытых, че-

ловеческое начало в самой скорби нашло приют, слившись воедино с высокой поэзией. Дымкою романтических грез была овевана и первая часть этого сочинения.

А, вот и другой полюс, на котором засверкали гении Рихтера: шестая соната Прокофьева, сыгранная пианистом с подлинно шекспировским размахом.

С дерзновенной смелостью подходит Рихтер к сочинениям современного исполнителя. Не смягчая ничего, он сохраняет сонате ее языческую свежесть, предельно обнажая контрасты. В этих глыбах, стиснутых в стальных конструкциях, поражала то варварская энергия,

языками пламени вырывающаяся из под пальцев пианиста, то лучезарная танцевальность, напоминавшая Прокофьева периода «Ромео и Джульетты», то жесткость, колючесть музыкального языка, то наивная песенность мелодии из финала. И через всю сонату несся победный клич главного мотива, символа жизнеутверждающей воли.

Рихтер играл много и бесподобно (сонату № 17 Бетховена, интермеццо и релативо Брамса, этюд Шопена и прелюдию Рахманинова), но более всего меня поразила вторая

часть сонаты № 32. Ариэтта прозвучала просветленно, и свет, излучаемый из простой и целомудренной мелодии, пробивался через все звуковые покровы: густые и тяжелые, легкие и почти незримые...

...Музыка становилась плотной и воздушной. Таинственные и такие понятные, неслись по залу хрупкие, бестелесные звуки, рожденные волшебным прикосновением рук пианиста, озаренные искрою его вдохновения.

Гиви ОРДЖОНИКИДЗЕ.